

♣ Т а о ♣

О К Р У Г 2 4 2 ,
Ш И Р О Н Г , П Р О В И Н Ц И Я С Ы Ч У А Н Ь ,
2 0 9 8 Г О Д

Подобно птицам-переросткам, мы топтались на ветке, сжимая в одной руке пластмассовую миску, а в другой — кисточку из перьев. Медленно, со всей осторожностью, я перебралась на следующую ветку, чуть выше. К этой работе мне, в отличие от моих подруг, никак не удавалось приспособиться: чересчур неуклюжая, я не обладала ни четкостью движений, ни ловкостью, ни усердием. Природа создала мое тело не для этого, однако именно здесь я проводила по двенадцать часов ежедневно.

Возраст деревьев примерно соответствовал возрасту человека, ветви были хрупкими, словно тонкое стекло, и похрустывали под нами. Чтобы не повредить дерево, двигаться приходилось осторожно. Я поставила правую ногу на ветку повыше, а потом медленно подтянула следом и левую. Наконец-то я отыскала удачное место, пусть неудобное, зато отсюда не упадешь и можно дотянуться до самых верхних цветов.

Маленькая пластмассовая миска у меня в руке была полна легкой, почти невесомой пыльцы. Ее тщательно взвешивали и выдавали нам по утрам, перед началом

работы — ровно столько, сколько уходило за один день. Я опускала кисточку в миску и переносила невидимые частицы пыльцы на соцветия. К каждому цветку нужно было притронуться крохотной кисточкой из перьев — их ощипали с кур, которых вывели специально для этих целей. Как оказалось, кисточки из искусственных волокон опыляют намного хуже. А экспериментов проводилось множество, ведь у нас в запасе имелось достаточно времени. В моем округе эта традиция зародилась более ста лет назад. Пчелы здесь исчезли еще в 1980-х, задолго до Коллапса. Их уничтожили химикаты. Спустя несколько лет после того, как мы перестали использовать химикаты, пчелы вернулись, но к тому моменту мы уже научились опылять вручную, причем и результаты были намного лучше, хотя рабочих рук требовалось невероятно много. А потом, когда мир пережил Коллапс, мы оказались в выигрыше. Мы меньше других заботились об экологии, но это лишь сыграло нам на руку. По уровню загрязнения мы опережали всех, а теперь оказались лучшими в навыках искусственного опыления. Невероятно, но наша небрежность спасла нас.

Как я ни тянулась вверх, а один цветок все равно не достала. Я уже решила бросить это дело, но испугалась, что меня накажут, поэтому попыталась еще раз. Нас штрафовали, когда пыльца в миске заканчивалась чересчур быстро. И если мы не могли израсходовать всю выданную нам пыльцу, нас тоже штрафовали. Результатов нашей работы все равно никто не мог оценить. Когда мы в конце дня слезали с деревьев, то красным мелом рисовали на стволе крестик, и таких крестиков должно было быть не менее сорока. Других результатов никто не видел до осени — тогда по веткам, которые клонились вниз под тяжестью плодов, становилось ясно, кто из нас поработал

как следует. Вот только к тому времени мы уже забывали, кто какие деревья опылял.

Сегодня я работала на Участке 748. Сколько их всего? Не знаю. Моя группа была одной из сотен. Одетые в бежевые рабочие костюмы, мы представляли собой отдельный биологический вид, как и деревья, которые опыляли. И, подобно цветкам в соцветии, всегда находились рядом друг с другом. Никогда по отдельности, вечно вместе — здесь, на ветках или внизу, когда брели с одного участка на другой. Только оказавшись дома, в наших собственных тесных квартирках, мы на несколько часов становились собой. Основная жизнь проходила здесь, среди деревьев.

Вокруг было тихо. Разговаривать во время работы за-прещалось. Тишину нарушало лишь шарканье ног и негромкое покашливание. Еще иногда кто-то звал или цеплялся одеждой за сучок. А порой раздавался звук, который мы все ненавидели, — треск ветки. А в худшем случае ветка ломалась. А это означало меньше фруктов и еще один повод вычесть у нас из зарплаты. Впрочем, обычно до нас доносился только ветер — он шелестел листвой, касался цветов на деревьях, приглаживал траву на земле.

Ветер дул с юга, со стороны леса. По сравнению с цветущими деревьями лес казался темным и угрюмым, но через несколько недель и он превратится в яркую зеленую полосу. Туда нас никогда не посылали — работы там не было. Впрочем, недавно поползли слухи, что вскоре лес вырубят, а пустошь засадят фруктовыми деревьями.

Рядом зажуужала муха — она прилетела откуда-то с той стороны. Настоящая редкость. Я уже несколько дней не видела ни одной птицы — их количество заметно сократилось. Они охотились на насекомых, но тех осталось совсем мало, и птицы, как и весь мир, голодали.

Вскоре тишину разорвала пронзительная мелодия. Флейта. Так нам сообщали, что пора сделать второй — и последний — перерыв. Я тотчас же почувствовала, что во рту совсем пересохло.

Мы спустились с деревьев, словно осев единой неделимой массой на землю. Женщины, зная, что теперь их не накажут, сразу принялись переговариваться, и воздух наполнился гулом голосов.

Я слезла с дерева молча, стараясь не сломать ни одной ветки. И у меня получилось. Просто повезло. Нескладная и неуклюжая, я проработала уже достаточно, чтобы понять, что по-настоящему хорошим опылителем мне никогда не стать.

Под деревом стояла поцарапанная металлическая фляжка. Я поднесла ее к губам и принялась жадно глотать воду. Вода была теплая, с привкусом алюминия, и я поставила фляжку на землю, так толком и не утолив жажду.

Двое парнишек из Пищевого блока раздавали коробочки с едой — второй раз за день. Я села, привалившись к стволу дерева, и открыла коробку. Сегодня в ней был рис вперемешку с кукурузой. Я отправила в рот несколько рисинок. Как обычно, пересоленный, а еще в нем ароматизаторы со вкусом сои и чили. Мяса я уже давно не ела. Кормовые культуры можно выращивать только на хорошо обработанной земле и на больших территориях. И многие виды кормовых культур необходимо опылять. А кто согласился бы на такой изнуряющий труд ради скота?

Коробочка опустела, но сытости я не чувствовала. Я встала, положила коробочку в контейнер и побежала обратно. От неподвижности ноги быстро уставали и затекали. Кожу точно кололи тысячи иголок, и я попыталась размяться.

Но безуспешно. Я быстро огляделась. Никто из начальства не обращал на меня ни малейшего внимания. Я улеглась на землю — старалась успокоить ноющую спину.

Закрыла на миг глаза, силясь заглушить в голове слова, которыми перебрасывались женщины вокруг, и прислушиваясь лишь к интонации. Странное желание болтать целой толпой — откуда оно взялось? Женщины приобретают эту склонность еще в детстве. Они сбиваются в кучки и по нескольку часов подряд обсуждают какие-то пустяки, а что-нибудь серьезное — никогда. Возможно, лишь в тех случаях, когда они перебивают косточки тому, кого в этот момент среди них нет.

Сама я больше любила беседовать с кем-то одним. Или вообще ограничивалась собственным обществом. На работе я часто предпочитала последнее. А дома у меня был Куань, мой муж. Впрочем, мы любили друг в друге вовсе не способность вести долгие беседы. Куань не стремился докопаться до сути, он говорил лишь о том, что видел, и был не мастер пофилософствовать. Но, прижимаясь к нему, я ощущала покой. И у нас был Вей-Вень, наш трехлетний малыш. О *нем* мы любили поговорить.

Когда я, убаюканная болтовней, задремала, женщины вдруг замолчали. Наступила тишина.

Я резко встала. Все остальные смотрели на дорогу.

Детям было лет восемь, не больше, и некоторых я узнала — они ходили в ту же школу, что и Вей-Вень. На всех была одинаковая рабочая одежда, такие же бежевые синтетические комбинезоны, как у нас. И дети направлялись к нам, настолько быстро, насколько позволяли их короткие ножки. Они шли в связке, управляемой двумя взрослыми. Один шагал спереди, другой сзади. И оба громко давали детям указания. Нет, они

не ругались, в их голосах звучали сочувствие и нежность, ведь если дети еще не осознали, что ждет их в конце пути, то уж взрослым это было отлично известно.

Дети держались за руки, но по парам их явно не представляли: высокие шли рядом с низенькими, а пухлые — рядом с худышками. Шагали они не в ногу, за руки держались крепко, как приклеенные. Возможно, им строго-настрого запретили выпускать руку напарника.

Они во все глаза смотрели на нас и на деревья. Их распирало любопытство. Некоторые наклоняли головы вбок и прищуривались. Дети будто оказались здесь впервые, хотя на самом деле все они выросли тут и знали лишь этот пейзаж — уходящие вдаль ряды фруктовых деревьев, на которые с юга наступает тень дремучего леса. Одна низенькая девочка долго не сводила с меня взгляда. Глаза у нее были большие и близко посаженные. Она несколько раз моргнула, а потом громко чихнула. За руку она держала худенького мальчика. Тот широко зевнул, ничуть не смущаясь, не прикрывая рукой рта и не зная, что его лицо на миг превратилось в один огромный зевок. Он зевал не от скуки — до этого он еще не дорос, а от усталости, вызванной недоеданием. Другая девочка, высокая и тощая, шла в паре с низкорослым мальчиком. Нос у того был заложен, поэтому он шел, приоткрыв беззубый рот. Девочка тащила его за собой, а сама шагала, подставив лицо солнцу. Она щурилась и морщилась, но не отворачивалась — должно быть, хотела загореть или набраться сил.

Новые дети. Они приходили каждую весну. Неужели они и прежде были такими маленькими? Или эти дети просто младше?

Нет. Им было по восемь лет. Как всегда. Школа окончена. Впрочем, назвать это школой... Хотя цифры они

знали, и некоторые буквы тоже, но в остальном школьные годы были временем созревания. Созревания и подготовки к жизни среди деревьев. Дети учились долго неподвижно сидеть. “Сиди спокойно. Не двигайся. Вот так, да”. И отработывали мелкую моторику. С трехлетнего возраста они плели ковры. Их маленькие пальчики прекрасно подходили для создания сложных узоров. И вот они доросли до работы здесь.

Дети прошли мимо, направляясь дальше, к следующему участку. Беззубый мальчик споткнулся, но высокая девочка крепко держала его и не дала упасть. Дети скрылись за деревьями.

— Куда они идут? — спросила одна женщина из моей группы.

— Наверное, на сорок девятый или пятидесятый, — ответила другая. — Там еще никто не начинал.

Внутри у меня все сжалось. Какая разница, на какой участок их ведут? Главное — что именно они будут...

Тишину разорвал звук флейты, и мы побрели к деревьям. Я лезла медленно и осторожно, а сердце сильно колотилось. Пусть даже этим детям по-прежнему восемь... Вей-Вень. Через пять лет ему тоже исполнится восемь. Всего пять лет — и настанет его черед. Здесь рабочие руки ценились дороже, чем где-то еще. Его маленькие пальцы уже подготовлены для такой работы.

Восьмилетки — и уже здесь, на деревьях. День за днем, такие маленькие. У них даже детства не будет, в отличие от меня и моих ровесников. Мы ходили в школу до пятнадцати лет.

Не-жизнь.

Руки дрожали. Я подняла пластиковую миску с драгоценной пылью. Нам всем надо трудиться, чтобы еды

♣ и с т о р и я п ч е л ♣

хватило на всех, — так нам говорили. Мы должны сами вырастить себе еду. И работать обязаны все, даже дети. Кому нужно образование, если зернохранилища опустеют? Если порции выдаваемой еды с каждым месяцем уменьшаются? Если мы по вечерам будем засыпать голодными?

Я повернулась и потянулась к цветам позади меня, но на этот раз поторопилась и наткнулась на ветку, которую не заметила. Потеряв равновесие, я тяжело навалилась на нее.

И услышала его — ужасный звук, который все мы со временем стали ненавидеть. Треск ломающейся ветки.

Ко мне тут же подошла начальница смены. Она посмотрела вверх, на дерево, оценивая ущерб, но ничего не сказала, а лишь быстро записала что-то в блокноте и вновь ушла.

Ветка была короткой и чахлой, и тем не менее я знала, что со сбережениями за этот месяц придется попрощаться. Я ничего не положу в копилку на кухне, куда мы старались откладывать каждый сэкономленный юань.

Я вздохнула. Нельзя думать об этом. Надо работать. Поднимать руку, окунать кисточку в пыльцу, аккуратно подносить ее к цветам и осыпать их пыльцой. Как пчела.

Я старалась не смотреть на часы. Знала, что это не поможет. Я просто помнила, что с каждым цветком, по которому я провожу кисточкой, вечер становится ближе. И приближается час, который я проведу с моим малышом. Один час в день — это все, что у меня есть, но, возможно, за этот час мне удастся что-то изменить. Посеять зерно, и впоследствии оно даст ему возможности, которых сама я была лишена.

